

УДК 1(091)

DOI: 10.18413/2408-932X-2021-7-4-0-3

Кораев Г. Т.

Теоретизм, эстетизм, историзм: новое прочтение критической части «К философии поступка» М.М. Бахтина

Балтийский федеральный университет имени Иммануила Канта, ул. А. Невского, д. 14,
г. Калининград, 236016, Россия; *germankoraev@gmail.com*

Аннотация. В статье выдвигается гипотеза о том, что в работе «К философии поступка» М.М. Бахтин критиковал не только теоретизм и эстетизм, но и историзм. Гипотеза подкрепляется двумя аргументами – аргументом от текста бахтинской работы и аргументом от логики бахтинского рассуждения. Проводится реконструкция бахтинской критики историзма. Показывается, каковы основные свойства, присущие историзму, согласно Бахтину, достоинства историзма и его недостатки. Демонстрируется, что главным представителем историзма в бахтинском понимании следует считать В. Дильтея.

Ключевые слова: философия Бахтина; теоретизм; эстетизм; бахтинская критика историзма; конкретная историчность

Для цитирования: Кораев Г.Т. Теоретизм, эстетизм, историзм: новое прочтение критической части «К философии поступка» М.М. Бахтина // Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования. 2021. Т. 7. № 4. С. 27-37. DOI: 10.18413/2408-932X-2021-7-4-0-3

G. T. Koraev

Theoreticism, Aestheticism, Historicism: new interpretation of critical part of M.M. Bakhtin's 'Toward a Philosophy of the Act'

Immanuel Kant Baltic Federal University, 14 A. Nevsky St., Kaliningrad, 236016, Russia; *germankoraev@gmail.com*

Abstract. The article proposes a hypothesis that in his work "Towards a Philosophy of the Act" M.M. Bakhtin criticized not only theoreticism and aestheticism, but also historicism. The hypothesis is supported by two arguments – an argument from the text of Bakhtin's work and an argument from the logic of Bakhtin's reasoning. A reconstruction of Bakhtin's criticism of historicism is being carried out. The article reveals the main properties inherent in historicism, according to Bakhtin, the advantages of historicism and its shortcomings. It is shown that W. Dilthey should be considered the main representative of historicism in Bakhtin's understanding.

Key words: Philosophy of Bakhtin; Theoreticism; Aestheticism; Bakhtin's critic of Historicism; concrete historicity

For citation: Koraev G. T. (2021), "Theoreticism, Aestheticism, Historicism: new interpretation of critical part of M.M. Bakhtin's "Toward a Philosophy of the Act"",

Research Result. Social Studies and Humanities, 7 (4), 27-37, DOI: 10.18413/2408-932X-2021-7-4-0-3

Изучать мысль Бахтина сложно, хотя его философское наследие невелико. Бахтин не Хайдеггер и не Деррида; чтобы перечислить его философские работы, хватит пальцев одной руки. Но он близок названным философам способом мыслить, его стиль необычен.

В текстах Бахтина имеется в достатке темных мест и трудноподъемных абзацев, философских техницизмов и неологизмов, но также в них заметна чуткая работа с языком – множество бахтинских понятий рекрутировано им в философские ряды из слов обыденной речи (не-алиби в бытии, нудительность и т. п.). Ранние работы Бахтина являют собой один из редких примеров самобытного русского философского языка. В обращении к обыденной речи, в работе с ней выражается вызов Бахтина предшествующему устоявшемуся и не удовлетворяющему его философскому языку. И не только языку, но и общепринятому подходу. Это была попытка опереться в первой философии на выраженную в повседневном слове самопонятность и близость жизни, тускнеющую в отвлеченных построениях. Отчасти этим объясняется бахтинское тяготение к описательному методу – он не навязывает и не исключает. Обыденная речь полна *участным словом*, в котором есть место другому и миру.

Ту версию феноменологического метода, которую предложил Бахтин, нельзя назвать строго научной, но отказать Бахтина в стремлении к ясности мышления и изложения мысли тоже нельзя. Терминологическая сухость, конструирование и анализ понятий – далеко не единственный путь философии¹. Бахтин намеренно ста-

¹ Сам Бахтин выражал это так: «Печальное недоразумение, наследие рационализма, что правда может быть только истиной, слагающейся из общих моментов, что правда положения есть именно повторимое и постоянное в нем, причем общее и то-

рался изменить метод – повести философию по пути *описания* базовых структур сознания, раскрывающих на уровне переживания основные моменты человеческого бытия. Это то, что он обозначал термином *архитектоника события-бытия*.

Правда, Бахтин сам же и отмечал, как тяжело следовать по пути описания, не срываясь в привычную игру с понятиями. В противоположность Расселу, предостерегающему, что за понятиями могут скрываться описания, Бахтин указывал на опасность обратного эффекта – критичного для задач его философского проекта – описания могут незаметно подменяться понятиями.

Делает ли все это мысль Бахтина сложной? Да. Но эти же сложности делают философию Бахтина интересной для изучения. Реальной же сложностью для исследователя, на мой взгляд, становится известная фрагментарность работ Бахтина. Тяжелее всего эта фрагментарность дает себя знать в случае основной его философской работы «К философии поступка».

Эта работа, с одной стороны, не была завершена, с другой – она сохранилась не полностью. Из-за этого многие бахтинские идеи как бы повисают в воздухе: у нас нет ни прямого их авторского разъяснения и определения, ни сколько-нибудь подробного их обоснования. Под центральными понятиями Бахтина образуются своеобразные герменевтические провалы. Из-за этих провалов бывает чрезвычайно трудно определить, как должно выглядеть целое здание бахтинской философии.

При этом перед исследователем стоит сразу две проблемы. Если бы текст «К философии поступка» был только незавершенным, но дошел до нас целиком, то проблема бы заключалась в том, чтобы понять, какие причины заставили Бахтина не

жественное принципиально (логически тождественное)» (Бахтин, 2003: 36).

завершить свой труд. Если бы текст «К философии поступка» был Бахтиным завершен, но дошел бы до нас частично, задача исследователя состояла бы в том, чтобы из дошедшего текста восстановить утраченное смысловое целое. Но на деле имеются обе проблемы сразу: задача состоит в том, чтобы восстановить основные идеи Бахтина по дошедшему фрагменту «К философии поступка», принимая в расчет также, что сама работа закончена не была.

Ситуацию, в которую поставлен исследователь, можно сравнить с ситуацией архитектора, который должен восстановить ценную постройку, имея в наличии только руины так и недостроенного здания. Надо прямо признать: имеющийся у исследователей материал может быть обрамлен *различным*, зачастую противоположным образом. Работа исследователя в случае с философией Бахтина всегда неизбежно будет представлять собой реконструкцию. Если принять во внимание изложенные проблемы, предположение о возможном наличии *белых пятен* в общепринятом исследовательском взгляде на философию Бахтина не покажется невероятной.

Цель моей статьи – показать, что одним из таких белых пятен является понятие *историзма*. Моя гипотеза состоит в том, что наравне с *теоретизмом* и *эстетизмом* Бахтин в своей работе «К философии поступка» выделял и критиковал также третий подход к мышлению о бытии, которым является историзм. В литературе о философии Бахтина *критика историзма* в «К философии поступка» еще не подвергалась исследовательскому анализу².

² В концептуальном плане отношение Бахтина к историзму анализирует О.Л. Грановская (см.: Грановская, 2019). Однако в ее статье речь идет об историзме Бахтина в несколько ином смысле – историзме как мировоззренческой позиции, сочетающей установки на интерсубъективность истины с критикой релятивизма: «То, что правильно и рационально в одной ситуации, может быть нерациональным в другой. И с этим утверждением Бахтин, очевидно, согласен. Однако Бахтин не согласен с релятивистским отрицанием существования абсо-

Обобщая исследовательскую литературу, можно выделить две основные интерпретации критической части «К философии поступка». Первая – в принципе все критикуемые Бахтиным способы мышления о бытии сводит к одному общему роду – теоретизму. Вторая – некритически разделяет критикуемые подходы к бытию на теоретизм и эстетизм. Для поставленной здесь задачи важно, что об историзме как третьем подходе, критикуемом Бахтиным, наряду с теоретизмом (и эстетизмом), нигде речи не ведется.

Приведу лишь несколько примеров для того, чтобы проиллюстрировать *общепринятую* исследовательскую точку зрения по этому вопросу. Показательна интерпретация Л.А. Гоготишвили, данная ею в подробнейшем комментарии-преамбуле к работе «К философии поступка» (Гоготишвили, 2003а), который был опубликован в первом томе собрания сочинений Бахтина. Во-первых, важен сам статус преамбулы, которая уже фактом своего нахождения в собрании сочинений становится как бы «официальным комментарием» к бахтинской работе. К тому же комментарий Гоготишвили является одним из самых скрупулёзных исследований (сочетающих текстологические и историко-философские методы) «К философии поступка» Бахтина.

Позицию Гоготишвили можно выразить так: все критикуемые Бахтиным способы мышления о бытии в принципе сводятся к теоретизму. Так, она пишет про

лютных ценностей и универсальных норм, поскольку именно эта идея разрушает этику поступка. Бахтин ничего не боится так сильно, как самореференции. Если человек лишен “другого”, с которым можно разговаривать, под которого можно подстраиваться, которому можно сопротивляться и, таким образом, стабилизировать собственные импульсы, он рискует оказаться в аморальном мире. И, наконец, Бахтин не предполагал, что “первый голос” в дискурсе может не захотеть слышать второй, или захочет обидеть или даже убить его. Он не думал, что убеждения, разделяющие людей, приводят к унижению, кровопролитию и отказу от коммуникации» (Грановская, 2019: 45-46.).

«общий тезис о неспособности теоретического мышления, претендующего на преодоление дуализма, но принципиально остающегося при этом теоретическим (отвлеченным от единственности Я), к такому преодолению» (Гоготишвили, 2003а: 425), а также замечает, что в работе Бахтина дается «критика трех первоначальных объектов (*теоретических версий* преодоления дуализма): дискурсивного теоретического мышления (1), исторического изображения-описания (2) и эстетического созерцания» [курсив мой. – Г.К.] (Гоготишвили, 2003а: 425).

Той же логики сведения всех критикуемых Бахтиным подходов к теоретизму в серии своих статей, посвященных первой философии Бахтина, придерживается и А.А. Гусейнов. Так он пишет, что Бахтин «акцентировано отделяет свое понимание поступка от биологизма, психологизма, экономизма и любых других редукционистских подходов к нему, именуемых им разновидностями теоретизма» (Гусейнов, 2017: 7). Все критикуемые Бахтиным подходы к мышлению о бытии Гусейнов относит к теоретизму.

Второй вариант интерпретации критической части к «К философии поступка» можно рассмотреть на примере статьи А.В. Кривошеева «Поступок как основание фундаментальной онтологии М.М. Бахтина» (Кривошеев, 2007). Он постулирует четкое разделение Бахтиным теоретизма и эстетизма, а также противопоставление теоретического мира и мира эстетического. Кривошеев пишет: «Хотя эстетическое бытие и ощутимо ближе к действительному единству единого бытия-события жизни, чем теоретический мир, и потому так велик соблазн эстетизма и эстетизации бытия, которые несколько заглушевают слишком очевидную несообразность чистого теоретизма. Все же эстетическое созерцание-вживание тоже не обеспечивает требуемого и необходимого единства и взаимопроникновения между смысловым содержанием (продуктом) поступка и действительным долженствующим

щим его историческим свершением (актом)» (Кривошеев, 2007: 37).

Имеется методологическая сложность утверждаемой мной позиции, которую я хотел бы обозначить сразу. Она заключается в том, что самого понятия историзм, во всяком случае в дошедшем до исследователей тексте «К философии поступка», Бахтин не употребляет. В работе «К философии поступка» Бахтин использует понятие *историчности*³, которое не является аналогом понятия историзм. Историчность (или *конкретная историчность*⁴) – это понятие, которое призвано подчеркнуть отличие бахтинской позиции от позиции абстрактного философствования.

Бахтин заостряет внимание на единстве смыслового и фактического момента события, а эпитет «конкретный» указывает на уникальный характер такого единства.

³ Согласно В.Л. Махлину, понятие историчности появляется как результат переосмысления и трансформации историзма: «С другой стороны, критика историзма в XX в. имела и глубоко позитивные следствия: научно-гуманитарная революция между двумя мировыми войнами – “настоящий кайрос понимающей историографии” – выросла из продуктивной дискуссии об историзме (прежде всего в Германии) и привела к трансформации историзма на путеводной нити понятия “историчность” (Geschichtlichkeit), обоснованном еще В. Дильтеем, радикализованном М. Хайдеггером в 1920-е и позднее модифицированном Г.-Г. Гадамером в его главной книге “Истина и метод” (1960). В контексте этого “герменевтического поворота” (продолжавшего “критику исторического разума” В. Дильтея) возникли такие ключевые понятия нового гуманитарного мышления, как “абсолютная историчность” (Э. Гуссерль), <...> “большое время” становящейся современности великих произведений прошлого (М.М. Бахтин)» (Махлин, 2013: 19).

⁴ Вот характерное употребление Бахтиным понятия историчность: «Эта мысль, как поступок, цельна: и смысловое содержание ее и факт ее наличности в моем действительном сознании единственного человека, совершенно определенное и в определенное время и в определенных условиях, т. е. вся конкретная историчность ее свершения, оба эти момента, и смысловой, и индивидуально-исторический (фактический) – едины и нераздельны в оценке ее, как моего ответственного поступка» (Бахтин, 2003: 8).

Понятие *конкретной историчности* является одним из принципиальных для первой философии Бахтина. Оно проходит сквозь большинство магистральных для нее тем, концентрируя внимание на исторической уникальности (*единственности*) актов жизнеосуществления, то есть на рассмотрении основных феноменов человеческого существования в неразрывном единстве их смысловой стороны со стороны фактической (конкретно-исторической).

О противопоставлении историзма и конкретной историчности несколько слов будет сказано в заключительной части работы. Пока же я вернусь к гипотезе о наличии критики историзма в «К философии поступка» Бахтина.

Итак, термина «историзм» в тексте «К философии поступка» читателю встретить не удастся. Но если использование именно этого термина Бахтиным доказать невозможно (хотя позже я приведу некоторые соображения в защиту его использования), то с феноменом, им описываемым, дело обстоит совершенно иначе. Имеется два аргумента, достаточных, по-видимому, для того, чтобы доказать, что наряду с *теоретизмом* и *эстетизмом* в своей работе Бахтин выделял и критиковал также третий подход к мышлению о бытии – историзм.

Прежде чем переходить к этим аргументам, необходимо сделать несколько подготовительных замечаний. Следует начать с того, что в сохранившемся тексте «К философии поступка» значительное место уделено *критической части*. Критическая часть построена вокруг проблемы, задающей основной тон всей работе. Эта проблема – достижение *подлинного*⁵ зна-

⁵ Выбор слова здесь не случаен. Надо констатировать, что Бахтин хоть и философствует в описательном ключе, но все же вполне прозрачным остается ценностное измерение его философствования. Я имею в виду ту экзистенциальную вовлеченность Бахтина, очевидный пафос его рассуждений, стремящихся быть не просто отстраненной констатацией разбираемого положения дел, но также и его оценкой (зачастую не только теоретической). В этом смысле работа Бахтина прямо

ния о действительном мире, бытии. На взгляд Бахтина, действительный мир – это предмет лишь одной дисциплины – первой философии, которую, собственно, и пытается построить Бахтин⁶.

Обычно критическую часть «К философии поступка» Бахтина излагают по следующей схеме: ни одно направление и ни одна школа научной или философской мысли, согласно Бахтину, не достигает знания о действительном мире, но предлагает лишь различного рода и качества суррогаты такого знания. Предшествующие попытки построить учение о бытии Бахтин признает ошибочными. Все виды этих попыток Бахтин сводит к одному или двум (в зависимости от избранной исследователем интерпретации) основным родам: теоретизму и эстетизму, которые он и критикует.

Собственно, понимание критической части «К философии поступка» как исключительно критики теоретизма и эстетизма является общим местом в бахтинистике. После введения и обоснования понятия историзма станет очевидно, что данная схема, накладываемая исследователями на критическую часть работы Бахтина, является нерелевантной.

Как уже сказано, современному научному и философскому мышлению Бахтин ставит неутешительный диагноз неспособности отразить реальный характер бытия. Эта неспособность приводит к тому, что такое мышление разделяет действительный мир на две части. Как пишет Бахтин, «в результате встают друг против друга два мира, абсолютно не сообщаю-

настроена на поиск философского знания в высшем смысле – подлинного знания.

⁶ Критикуя попытки сделать мир предметом исключительно теоретического мышления, Бахтин пишет о первой философии и ее предмете: «Но мир, как предмет теоретического познания, стремится выдать себя за *весь мир в его целом*, не только за отвлеченно единое, но и *конкретно-единственное бытие в его возможном целом*, т. е. теоретическое познание пытается построить *первую философию* (prima philosophia)» [курсив мой. – Г.К.] (Бахтин, 2003: 12).

щиеся и не проницаемые друг для друга: мир культуры и мир жизни, единственный мир, в котором мы творим, познаем, созерцаем, живем и умираем; мир, в котором объективируется акт нашей деятельности, и мир, в котором этот акт единожды действительно протекает, свершается» (Бахтин, 2003: 7).

Мир культуры Бахтин понимает как замкнутое объективное смысловое единство, а мир жизни – как реальный контекст протекания нашего существования. Два этих мира становятся автономными. При этом одна из отвлеченных сторон мира гипертрофируется, то есть начинает претендовать на исключительное значение единственно действительного мира. Когда гипертрофируется мир культуры – рождается теоретизм⁷.

Теоретизм включает в себя целый ряд философских и научных направлений, среди которых следует выделить в первую очередь крайне редуccionистские – позитивизм и прагматизм. Теоретизм объективирует действительный мир и на этом пути порождает автономный теоретический мир (например, биологический мир, который выдается за весь мир⁸). Претендуя дать

⁷ На теоретизм и эстетизм стоит смотреть как на веберовские идеальные типы. Ясно, что вероятность найти, например, полное воплощение теоретизма среди философских учений стремится к нулю. Важно понимать специфику этих понятий, чтобы увидеть, что Бахтин борется не против конкретных философов, которых он объединяет в условную школу – теоретисты, но с определенным *типом* мышления, широко понятой установкой. Бахтин и сам обращает на это внимание читателя. Критикуя практическую философию кантовского толка за теоретическую логику обоснования чистоты морального закона, он пишет: «Для решения этой задачи [показать, что методы практической философии не отличаются от методов теоретической. – Г.К.] различия между отдельными направлениями не существенны» (Бахтин, 2003: 24). Еще важнее понять логику, стоящую за образованием подобных понятий у Бахтина, так как это позволит увидеть место, занимаемое историзмом в критической части «К философии поступка». Как раз эту логику я и постараюсь вскрыть ниже.

⁸ «При таком положении может казаться, что за вычетом смысловых моментов объективной

объективное знание, теоретизм неизбежно выносит субъекта за скобки. Собственно, за исключение субъекта из мира Бахтин и критикует теоретизм в первую очередь.

Помимо теоретизма Бахтин выделяет и критикует другой подход – эстетизм. Главными представителями эстетизма Бахтин называет философов жизни, а также Шопенгауэра. Эстетизм нацелен на то, чтобы изобразить мир становящимся, динамичным. И в этом Бахтин видит силу эстетизма. Основной же проблемой эстетизма, как и теоретизма, является исключение субъекта из мира. Но исключение субъекта происходит в эстетизме на иных основаниях, нежели в теоретизме. В отличие от методов теоретизма, в основе которых лежит абстрагирование и обобщение, главным методом, который используют представители эстетизма, является, по Бахтину, *эстетическое интуирование*. Мир как продукт эстетического интуирования дан всегда из позиции венаходимого ему субъекта. То есть эстетизм, в отличие от теоретизма, полностью отказывающегося от субъекта и субъективности в своем стремлении к идеалу *объективности*, контрабандой возвращает субъективность в свои построения.

Уже после этого краткого экскурса появляется ряд вопросов к подобной интерпретации критической части «К философии поступка». Вопросы эти могут быть обращены, *во-первых*, к логике самого деления на эстетизм и теоретизм, которые по сути не противостоят друг другу и друг друга не исключают. Ведь если теоретизм вообще элиминирует субъекта, то эстетизм этого субъекта пусть и бессознательно, но сохраняет.

культуры остается голая биологическая субъективность, акт-потребность. Отсюда и кажется, что только как поэт, как ученый я объективен и духовен, т. е. только изнутри созданного мною продукта; <...> Чрезвычайная сложность продукта и элементарная простота мотива. Мы вызвали призрак объективной культуры, который не умеем заклясть» (Бахтин, 2003: 50–51).

Во-вторых, возникает вопрос по поводу *полноты* разделения всех способов мышления о бытии на теоретизм и эстетизм. Под понятие теоретизма подпадают представители неокантианства (отчасти), прагматизма, позитивизма и прочих направлений, пытающихся так или иначе создать объективистскую картину мира. Под эстетизм же – философия жизни и другие направления, стремящиеся внести некоторую долю субъективности в свои построения. Но названными школами все многообразие *фундаментальной* мысли не исчерпывается. Или например, В. Дильтей, чьи проекты критики исторического разума и описательной психологии имели явное влияние на философский проект Бахтина, и которого если и можно назвать философом жизни, то в совсем ином нежели Ф. Ницше и А. Бергсона смысле⁹.

Ответить на эти закономерные вопросы поможет введение и обоснование понятия историзм. Для этого обратимся к самой первой из сохранившихся страниц «К философии поступка». Бахтин пишет: «Общим моментом дискурсивного теоретического мышления (естественнонаучного и философского), исторического изображения-описания и эстетической интуиции, важным для нашей задачи, является следующее. Все названные деятельности

⁹ О том, что Дильтей занимает *особое* место в рамках интеллектуального течения, называемого философией жизни, указывает, например, Г. Риккерт в работе «Философия жизни» (которую, кстати заметить, Бахтин знал): «Типы философии жизни, которые мы рассмотрим в первую голову, правда, шире по своим заданиям, но зато в них совершенно отсутствует принципиальная сторона дела. Это может быть пояснено на двух примерах: историзме Дильтея и точке зрения феноменологии <...> О Дильтее мы сказали, что он более историк, чем философ. <...> Но также несомненно, что исторического инстинкта недостаточно для философии. Как раз то, на чем основывается сила историка, ведет к бесплодию во всякой систематической науке. Именно потому, что Дильтей все время любовно погружался в полнокровность прошлой жизни, не ставя никаких границ своему увлечению ею, он никогда не мог сделаться систематически мыслящим философом» (Риккерт, 1998: 312–313).

устанавливают принципиальный раскол между содержанием-смыслом данного акта-деятельности и исторической действительностью его бытия, его действительной единственной переживаемостью, вследствие чего этот акт и теряет свою целостность и единство живого становления и самоопределения» (Бахтин, 2003: 7).

В этом отрывке, рассуждая о расколе поступка и мира на фактичность и смысл, Бахтин выделяет три типа познания, являющиеся этому расколу причиной: дискурсивное теоретическое мышление, историческое изображение-описание и эстетическую интуицию. Далее в тексте работы Бахтин покажет, что метод дискурсивного теоретического мышления составляет сущность теоретизма, а метод эстетического интуирования определяет специфику эстетизма.

Как же обстоит дело с историческим изображением-описанием? Ведь по аналогии с двумя предыдущими методами оно тоже должно лежать в основе какого-то подхода к бытию. У меня имеются два аргумента в поддержку того, что метод исторического изображения-описания полагался Бахтиным в основу историзма.

Первый аргумент в обоснование историзма как независимой формы знания можно назвать аргументом от *логики* бахтинского рассуждения. Если реконструировать бахтинское рассуждение, то можно увидеть, что оно строится следующим образом. Ложные формы познания действительного мира раскалывают мир на две половины: на смысловую сторону и на сторону историческую. После раскола эти формы знания тяготеют к гипертрофии какой-либо одной стороны мира (смысловой либо исторической). Соответственно, получаются всего три возможные стратегии мышления о бытии.

Первая стратегия заключается в подстановке объективного мира смыслов на место действительного мира. Вторая возможная стратегия заключается в подстановке мира истории на место действитель-

ного мира. Третья стратегия должна пытаться совмещать позиции первых двух.

Первые две стратегии – разделительные, они стремятся поставить одну половину мира на место целого мира. Третья стратегия – соединительная, она стремится к объединению объективного и субъективного, мира смыслов и мира исторического, но в силу своего методологического изъяна, согласно Бахтину, обречена на провал.

Первая стратегия (гипертрофирующая смысловой мир) – это теоретизм. Третья стратегия (пытающаяся сохранить баланс между уже автономными частями мира) – это эстетизм. Но остается еще вторая стратегия. Эта стратегия и есть, на мой взгляд, историзм.

Второй аргумент – аргумент от бахтинского текста. В «К философии поступка» есть фрагмент, в котором, подводя итоги критики теоретизма и эстетизма как недостаточных стратегий мышления о бытии, Бахтин упоминает также третью стратегию: «Вот этот-то мир, где свершилось событие жизни и смерти Христа в их факте и их смысле, принципиально не-определим ни в теоретических категориях, ни в категориях исторического познания, ни эстетической интуицией: в одном случае мы познаем отвлеченный смысл, но теряем единственный факт действительного исторического свершения, в другом случае – исторический факт, но теряем смысл, в третьем имеем и бытие факта и смысл в нем, как момент его индивидуации, но теряем свою позицию по отношению к нему, свою долженствующую причастность» [курсив мой. – Г.К.] (Бахтин, 2007: 19-20).

Легко заметить, что в приведенной цитате отражена та комбинаторика, которая была вскрыта в первом аргументе. Под первый случай подпадает теоретизм, под третий – эстетизм, под случай же познания исторического факта (второй) подпадает историзм.

Я считаю, что двух приведенных аргументов достаточно, чтобы заключить, что бахтинская критика раскола действи-

тельного мира современным мышлением не ограничивалась критикой теоретизма и эстетизма, но также включала критику историзма. Вероятнее всего она была дана в начале работы, и ее текст просто не сохранился, хотя, конечно, нельзя исключать, что она осталась у Бахтина неразвернутой.

Как я уже говорил, само понятие историзма в тексте «К философии поступка» отсутствует. Однако мне кажется правильным назвать эту форму мышления о бытии, основанную на методе исторического изображения-описания, именно так. Во-первых, это название вписывается в ряд подобно образованных (с точки зрения языковой) эстетизма и теоретизма. Во-вторых, понятие историзма имеет за собой достаточно долгую традицию¹⁰. В узком смысле оно служит названием для обозначения немецкой школы исторической мысли XIX века – Ранке и его последователей. Но наравне с таким узким пониманием историзма (как школы исторического исследования) выделилось и более широкое его понимание. Э. Трельч писал об историзме в широком смысле так: «Этот термин следует полностью лишить его дурного вторичного смысла и понимать только как принципиальную историзацию нашего мышления о человеке, его культуре и его ценностях» (Трельч, 1994: 82). И именно в этом более широком смысле историзм мог иметь в виду Бахтин.

Что можно сказать об историзме, опираясь на текст бахтинской работы? Как было сказано ранее, методом, лежащим в основе историзма, является историческое изображение-описание. В отличие от теоретизма, который концентрируется на объективных единствах, историзм делает акцент на субъективной составляющей событий, на их уникальности и неповторимости. Историзм имеет дело с фактичностью, своей последней основой историзм считает исторический факт. Отсюда – из односторонней концентрации на историческом факте – происходит главный недостаток

¹⁰ См.: (Махлин, 2013; Руткевич, 2018).

историзма. Бахтин характеризует его как *потерю смысла*.

Что имеет в виду Бахтин? Конечно, он не обвиняет историзм в бессмыслице в обыденном понимании этого слова, но заостряет внимание на том, что концентрация на уникальности в случае вопросов онтологического характера приводит к релятивизму, то есть к отрицанию существования объективного (необусловленного) значения (смысла) того или иного феномена в отрыве от контекста его протекания.

Вообще, обвинение историзма как уделяющего *чрезмерное* внимание историческим условиям возможности существования философии и философского знания в релятивизме является общераспространенным. Достаточно вспомнить программную статью Э. Гуссерля «Философия как строгая наука», с которой Бахтин почти наверняка был знаком¹¹. В этой статье Гуссерль уделяет внимание критике двух магистральных направлений в современной ему философии: натурализма и историцизма¹². Одним из центральных представителей историцизма Гуссерль считает Дильтея, а главная претензия Гуссерля историцизму заключается в его крайнем релятивизме, логически ведущем к скептицизму¹³.

¹¹ По-русски гуссерлевская статья вышла в тот же год, что и по-немецки. Она была опубликована в журнале «Логос» 1911 г. (см.: Гуссерль, 1911).

¹² Предупреждая возможную терминологическую путаницу, подчеркну, что «историцизм» Гуссерлем употребляется не в попперовском значении. В «Философии как строгой науке» под историцизмом Гуссерль имеет в виду ту форму философского мышления, которую можно охарактеризовать как историзм в широком смысле.

¹³ «Историцизм полагает свою позицию в сфере фактов эмпирической духовной жизни. Полагая ее абсолютно, без непосредственной ее натурализации (особенно раз специфическое чувство природы чуждо историческому мышлению и не может, во всяком случае, оказывать на него общепределяющее влияние), историцизм рождает к жизни релятивизм, весьма родственной натуралистическому психологизму и запутывающийся в аналогичные же скептические трудности» (Гуссерль, 1994: 158).

Для того чтобы сделать характеристику историзма объемнее, остается разобрать еще один важный вопрос, а именно – кого можно считать представителем историзма? В тексте «К философии поступка» Бахтин единожды пишет о Гуссерле и отсылает не к упомянутой статье, а к его «Логическим исследованиям». Однако в вопросе о том, кого Бахтин относил к представителям историзма, гуссерлевская критика историцизма может оказать незаменимую помощь. Она задает ту рамку критики *историзма*, которой, судя по всему, придерживался и Бахтин. На мой взгляд, вслед за Гуссерлем Бахтин относил к представителям историзма в первую очередь Дильтея.

Герменевтика Дильтея и, шире, его проект *критики исторического разума* во многих пунктах был близок Бахтину. Дильтеевская философия отдавала должное историческому моменту в философствовании и в своем стремлении построить философию не абстрактной, а действительной жизни вряд ли могла встретить возражения со стороны Бахтина. Но тот недостаток, который выделяет Бахтин у историзма, – отрицание внеисторической значимости научных положений, релятивизм и психологизм, обычно также выделялись и критиками дильтеевской философии. Короче говоря, философия Дильтея подпадает и под положительные, и под отрицательные моменты, выделяемые в историзме Бахтиным¹⁴.

¹⁴ Нужно также принять в расчет замечание Гоготишвили, которая пишет, что «изображение-описание – это, скорее всего, аналог того, что закрепится впоследствии в философии под названием “идиографического метода”, понятие которого было введено В. Виндельбаном...» (Гоготишвили, 2003b: 460). Кроме Виндельбанда Гоготишвили также отмечает Риккерта и Дильтея как тех, кто, согласно Бахтину, придерживался метода исторического изображения-описания. Эти замечания Гоготишвили возможно развить в том ключе, что мыслители, которые утверждали, что философия есть исключительно идиографическая наука (или должна ею стать), могли быть отнесены Бахтиным к историзму. Историзм и теоретизм как бы вписываются в понятийный ряд, выражающий противо-

Осталось кратко подвести итоги. Была выдвинута гипотеза о том, что историзм является третьей наряду с эстетизмом и теоретизмом формой мышления о бытии, критикуемой Бахтиным в «К философии поступка». Критика историзма, хотя и косвенно, отражена в «К философии поступка». В подтверждение данной гипотезы было приведено два аргумента – аргумент от логики бахтинского рассуждения и аргумент от бахтинского текста.

Было показано, что в основе историзма лежит метод, называемый Бахтиным методом исторического изображения-описания. Главное достоинство историзма, согласно Бахтину, заключается в том, что он отдает должное исторической составляющей изучаемой действительности, а недостаток – в потере смысла, то есть в историзации, ведущей к релятивизму и скептицизму. Главным представителем так определяемого историзма следует считать Дильтея.

Что нового дает представленная здесь реконструкция понятия и критики историзма в «К философии поступка» для понимания философии Бахтина? Помимо уже отмеченной ранее новизны исследования – прежде бахтинская критика историзма не становилась предметом внимания бахтинистов, – ценность данной работы заключается в следующем.

Во-первых, *становится яснее общая логика* критической части «К философии поступка», основополагающей философской работы Бахтина. Как было показано, эстетизм и теоретизм не перекрывают всего поля задуманной Бахтиным критики. Ни в плане логическом, ни в плане историческом – остаются не названными течения мысли и характерные им подходы, которые противостоят бахтинской позиции. Благодаря понятию историзма удается

поставления гуманитарных и естественных наук. При этом ясно, что если Дильтея (особенно раннего) и можно считать представителем историзма, то отнести к нему напрямую Виндельбанда, а тем более Риккерта, будет гораздо сложнее.

увидеть критическую часть «К философии поступка» в ее полноте.

Во-вторых, *расширяется контекст* бахтинской критики. Тем самым можно не только восстановить отношение Бахтина к представителям историзма (в первую очередь Дильтею), но также *уточнить союзников бахтинской критики*. Здесь бахтинская и гуссерлевская оценки сходятся: плюс историзма – близость к действительности, минус – неизбежный релятивизм.

В-третьих, *проясняется позиция самого Бахтина*. Не будь в «К философии поступка» критики историзма, Бахтина во многом можно было бы считать его сторонником. Так, в частности, в этом ключе можно интерпретировать (неверно) его понятие конкретной историчности, утверждающее *единственность события*, то есть его уникальность, идиографичность. Однако после проведенной реконструкции становится очевидно, что, хотя Бахтин говорит о конкретной историчности события и поступка, он отвергает не только теоретизм с эстетизмом, но и историзм. Бахтин пытается соединить в своей первой философии достоинства всех трех подходов, в попытке построить философию *бытия как события*.

Литература

Бахтин, М.М. К философии поступка // Бахтин М.М. Собр. соч.: в 7 т. Т. 1. М.: Русские словари, 2003. С. 7-68.

Гогтишвили, 2003а – Гогтишвили, Л.А. [«К философии поступка» Приложение] // Бахтин М.М. Собр. соч.: в 7 т. Т. 1. М.: Русские словари, 2003. С. 351-438.

Гогтишвили, 2003б – Гогтишвили, Л.А. [«К философии поступка» Постраничные примечания (2)] // Бахтин М.М. Собр. соч.: в 7 т. Т. 1. М.: Русские словари, 2003. С. 457-492.

Грановская, О.Л. Берлин и Бахтин: плюрализм, полифония и критика релятивизма // Вопросы философии. 2019. № 12. С. 41-51.

Гусейнов, А.А. Философия поступка как первая философия (опыт интерпретации нравственной философии М.М. Бахтина). Статья первая: Быть – значит поступать // Вопросы философии. 2017. № 6. С. 5-15.

Гуссерль, Э. Философия, как строгая наука // Логос. Кн. 1. М.: Мусагет, 1911. С. 1-57.

Гуссерль, Э. Философия как строгая наука // Гуссерль Э. Философия как строгая наука. Новочеркасск: Сагуна, 1994. С. 127-175.

Кривошеев, А.В. Поступок как основание фундаментальной онтологии М.М. Бахтина // Вестник Томского государственного университета. 2007. № 300 (III). С. 34-38.

Махлин, В.Л. Историзм: (К истории понятия) // Литературоведческий журнал, 2013. № 1 (33). С. 5-24.

Риккерт, Г. Философия жизни // Риккерт Г. Философия жизни. Киев: Ника-Центр, 1998. С. 269-443.

Руткевич, А.М. Историзм и его критики // Вопросы философии. 2018. № 12. С. 24-36.

Трёлч, Э. Историзм и его проблемы. М.: Юрист, 1994. 719 с.

References

Bakhtin, M. M. (2003), "Toward a Philosophy of the Act", *Sobranie sochineniy: v 7 tomakh* [Collected works: in 7 vols.], 1, Russkie slovari, Moscow, Russia, 7-68 (in Russ.).

Gogotishvili, L. A. (2003a), "К философии поступка' Postranichnye primechaniya" (2) [Toward a Philosophy of the Act. Comments], in: Bakhtin M. M. *Sobranie sochineniy: v 7 tomakh* [Collected works: in 7 vols.], 1, Russkie slovari, Moscow, Russia, 457-492 (in Russ.).

Gogotishvili, L. A. (2003b), "К философии поступка' Prilozhenie" [Toward a Philosophy of the Act. Appendix], in: Bakhtin M. M. *Sobranie sochineniy: v 7 tomakh* [Collected works: in 7 vols.], 1, Russkie slovari, Moscow, Russia, 351-438 (in Russ.).

Granovskaya, O. L. (2019), "Berlin and Bakhtin: pluralism, polyphony and critic of relativism", *Voprosy Filosofii* [Philosophical questions], 12, 41-51 (in Russ.).

Guseynov, A. A. (2017), "The Philosophy of the Act as the First Philosophy (An Interpretation of Bakhtin's Moral Philosophy) First Article: To Be Means to Act", *Voprosy filosofii* [Philosophical questions], 6, 5-15 (in Russ.).

Husserl, E. (1994), *Filosofiya kak strogay nauka* ("Philosophie als strenge Wissenschaft") [Philosophy as a Rigorous Science], Saguna, Novocherkassk, 127-175 (in Russ.).

Husserl, E. (1911), "Philosophie als strenge Wissenschaft" (Philosophy as a Rigorous Science), *Logos*, book 1, Musaget, Moscow, Russia, 1-57 (in Russ.).

Krivosheev, A. V. (2007), "The Act like the basis of M. M. Bakhtin's fundamental ontology", *Tomsk State University Journal*, 300 (III), 34-38. (in Russ.).

Makhlin, V. L. (2013), "Historicism (to the history of the concept)", *Literaturovedcheskiy zhurnal*, 1 (33), 5-24 (in Russ.).

Rickert, H. (1998), "Philosophy of life" [Die Philosophie des Lebens: Darstellung und Kritik der philosophischen Modeströmungen unserer Zeit], *Filosofiya zhizni* [Die Philosophie des Lebens, Philosophy of life], Nika-Tsentr, Kiev, Ukraine, 269-443. (in Russ.).

Rutkevich, A. M. (2018), "Historicism and its Critics", *Voprosy filosofii* [Philosophical questions], 12, 24-36 (in Russ.).

Troeltsch, E. (1994), *Istorizm i ego problema* [Der Historismus und seine Probleme, Historicism and its problems], Yurist, Moscow, Russia, (in Russ.).

Информация о конфликте интересов: автор не имеет конфликта интересов для деклараций.

Conflict of Interests: the author has no conflict of interests to declare.

ОБ АВТОРЕ:

Кораев Герман Таймуразович, сотрудник Балтийского федерального университета имени Иммануила Канта, ул. А. Невского, д. 14, г. Калининград, 236016, Россия; germankoraev@gmail.com

ABOUT THE AUTHOR:

German T. Koraeв, Employee of Immanuel Kant Baltic Federal University, 14 A. Nevsky St., Kaliningrad, 236016, Russia; germankoraev@gmail.com